

В.Н. Карпов

Вступительная лекция в психологии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 2. С. 189-229.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

§ 1. Способъ самопознанія.

Въ неизмѣримой цѣпи существъ, населяющихъ землю, главное и начальное звѣно, безспорно, есть человѣкъ. По внѣшнимъ или органическимъ условіямъ своего бытія, онъ принадлежитъ къ роду животныхъ; и потому естественныя науки, занимаясь, между прочимъ, изслѣдованіемъ различныхъ организмовъ земной планеты, рассматриваютъ съ этой стороны и человѣка. Общій способъ рассматриванія всего видимаго въ природѣ, которымъ исключительно пользуются естествоиспытатели, называется *опытомъ внѣшнимъ*. Мы теперь не имѣемъ еще основанія для опредѣленія опыта внѣшняго; знаемъ только, что онъ совершается при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, что посредство ихъ есть условіе необходимое, и что все, могущее существовать внѣ области чувственного усмотрѣнія, или по инымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ чувствопостигаемой природы, не можетъ быть доступно наукамъ естественнымъ. Но человѣкъ, по органической своей природѣ, предметъ естествознанія, самъ же и чувствуетъ все видимое, самъ и стремится къ тому, что чувствуетъ, самъ и познаетъ то,

къ чему стремится; и это начало чувствующее, стремящееся и познающее отнюдь не входитъ въ кругъ предметовъ, постигаемыхъ виѣшнимъ чувствомъ, слѣдовательно не подлежитъ и виѣшнему опыту, а не подлежа виѣшнему опыту, не можетъ быть доступно естествознанію. Отсюда въ человѣкѣ открывается другая сторона его существа, достойная большей внимательности и большаго изученія, чѣмъ первая: потому что чувствующее его начало чувствуетъ свой организмъ, а организмъ не чувствуетъ чувствующаго своего начала; стремящееся начало стремится къ своему организму, а организмъ не стремится къ стремящемуся своему началу; познающее начало познаетъ свой организмъ, а организмъ не познаетъ познающаго своего начала. Но какимъ образомъ эта непостигаемая чувствами и недоступная виѣшнему опыту сторона человѣка можетъ быть изучаема? Чтобы подробнымъ объясненіемъ требуемаго способа не опередить методическаго развитія науки, мы уважемъ только на фактъ самоусмотрѣнія, или на способность чувствующаго, стремящагося и познающаго начала — обращаться къ самому себѣ и наблюдать надъ самимъ собою, и это самонаблюденіе, не входя преждевременно въ его основанія, назовемъ *опытомъ внутреннимъ*. Опытъ внутренній есть исключительный способъ, при посредствѣ котораго изслѣдывается самодѣятельное начало человеческой жизни: только этимъ способомъ можетъ быть непосредственно познаваемо то начало, и только къ тому началу можетъ быть непосредственно приложенъ этотъ способъ. Какъ предъ виѣшнимъ опытомъ постепенно раскрывается многообразное богатство міра физическаго; такъ предъ внутреннимъ мало по малу обозначаются и отгѣняются, выступаютъ и просвѣтляются

безчисленные явленія міра нравственнаго. — и человѣкъ съ изумленіемъ видитъ предъ собою неизмѣримое поприще самопознанія.

§ 2. *Понятіе о Психологій.*

Опираясь на внутренній опытъ, самопознаніе знакомитъ человѣка съ разнообразными фактами внутренней его жизни; и чѣмъ больше углубляется человѣкъ въ эту область, тѣмъ шире стелется она предъ его взоромъ и тѣмъ сильнѣе развлекаетъ его вниманіе множествомъ различныхъ явленій. Здѣсь замѣчаетъ онъ странную игру, а иногда даже страшную борьбу страстей; тамъ усматриваетъ необычайно смѣлый полетъ и радужныя мечты фантазій; въ одномъ темномъ углу своей природы встрѣчаетъ неутомимое труженничество и упорное домогательство ума; въ другомъ удивляется прихотливой разборчивости и вѣчному недовольству воли: вездѣ и во всемъ видитъ онъ дѣятельность, трудъ, стремленіе, заботливость, будто въ обширной и многолюдной мастерской какого нибудь художника. Что все это значитъ? Откуда все это берется? Вокругъ чего вращается? Чѣмъ движется? Къ чему направляется? Самопознаніе видитъ факты, слышитъ вопросы, — и ничего не отвѣчаетъ. Оно изображаетъ какъ бы состояніе того наблюдателя, который, смотря на какой нибудь многосложный механизмъ, замѣчаетъ быстрое вращеніе колесъ, смѣлое качаніе рычаговъ, легкое движеніе блоковъ; но какою связію соединено все это вращающееся, качающееся, движущееся и поражающее слухъ то свистомъ, то стукомъ, — въ какомъ все это находится отношеніи и зависимости. — не замѣчаетъ и, удивляясь мудрости ху-

дожника, старается найти достаточнаго истолкователя производимыхъ механизмовъ явленій. Таково самопознаніе, въ естественной своей дѣятельности опирающееся на опытъ внутренній! Оно обогащаетъ человѣка фактами нравственной жизни, раскрываетъ предъ нимъ сокровища его природы, безъ чего онъ никогда не узналъ бы, что въ немъ есть. Но всѣ дары, которыми осыпанъ онъ и которые находятся у него въ какой-то, еще не понятой имъ гармоніи, предъ взоромъ его самопознанія суть только матеріалы, явленія отдѣльныя, безъ связи, безъ взаимоограниченія, безъ единства. Отыскать дѣйствительную между ними связь, показать, какъ они относительно ограничиваются и какимъ образомъ составляютъ одно гармоническое цѣлое, должна и можетъ только наука. Разсматривая приобретаемые внутреннимъ опытомъ факты, пользуясь матеріальными плодами самопознанія и опредѣляя относительное значеніе и достоинство ихъ, она, сообразно съ своими изслѣдованіями, каждому изъ нихъ дастъ приличное мѣсто въ гармоническомъ развитіи чувствующаго, желающаго и познающаго начала, и называя это начало душою, сама, примѣнительно къ сему названію, получаетъ имя науки о душѣ, или *Психологіи*. И такъ психологія есть наука, разсматривающая многоразличные факты самопознанія и, соответственно характеру и достоинству каждаго изъ нихъ, гармонически соединяющая ихъ въ началѣ нравственной жизни человѣка, чтобы такимъ образомъ объяснить по возможности его природу, происхожденіе и назначеніе, и чрезъ то опредѣлить законы всесторонней его дѣятельности.

§ 3. *Сознаніе, какъ начало Психологіи.*

Этимъ понятіемъ о психологіи достаточно обозначая главную ея задачу, мы по необходимости поставляемъ ее въ матеріальномъ отношеніи между двумя весьма грозными опасностями. Тутъ съ перваго взгляда представляется вопросъ: велика ли сумма фактовъ самопознанія, съ которыми должна являться дѣло наша наука? Если ихъ у насъ меньше, чѣмъ сколько проявляется начало нравственной жизни человѣка; то сводя ихъ способами науки въ одно цѣлое, мы этому началу припишемъ природу неполную, усѣченную, уродливую: а когда тѣми же способами введемъ въ него больше, чѣмъ сколько въ немъ замѣчается дѣйствительно, — въ его природѣ допущено будетъ нѣчто ей чуждое, обезображивающее ее излишествами, паростами. Исторія психологіи представляетъ множество примѣровъ, что философы впадали либо въ ту, либо въ другую крайность, и наука у нихъ приходила отъ того къ явно ложнымъ результатамъ. Такъ на примѣръ эмпиризмъ Локка отвергалъ въ душѣ бытіе врожденныхъ идей, и вслѣдствіе того долженъ былъ отвергнуть дѣйствительность внутренняго законодательства, направляющаго стремленія человѣка къ истинѣ и добру; раціонализмъ Канта не хотѣлъ, чтобы нравственная наша дѣятельность ограничивалась движеніями чувства, — и начало дѣятельности превратилось у него въ отвлеченный эгоистическій умъ, водящийся только холоднымъ сознаніемъ долга. Идеализмъ Декарта не взялъ во вниманіе проявляющихся въ душѣ побужденій жизни животной, — и тѣло у него сдѣлалось просто механизмомъ, живущимъ особою жизнью. Всѣ эти и подобныя эгизмъ заблужденія въ области психо-

логиі происходили отъ недостатка фактовъ самопознанія, или, — что еще вѣрнѣе, — отъ намѣреннаго умолчанія о нихъ въ угодность известной идеѣ и вопреки яскому свидѣтельству внутренняго опыта. Не менѣе недѣльныхъ мифѣй вошло въ психологію и отъ того, что факты самопознанія, доступные только внутреннему опыту, философы думали выводить и объяснять изъ явленій, усматриваемыхъ опытомъ внѣшнимъ, и такимъ образомъ приписывали душѣ природу ей не свойственную. Такъ матеріализмъ, безусловно вѣруя въ одно свидѣтельство чувственнаго усмотрѣнія, полагаетъ въ смыслѣ не пререкаемой аксіомы, что все существующее есть матерія, и подводя подъ эту общую посылку существо души, заключаетъ, что и душа матеріальна. Такой именно силлогизмъ развивается въ теоріяхъ Демокрита, Эпикура, Лукреція, Гельвеція, Гольбаха, Ламетри. Бруссэ и многихъ другихъ.

Въ наше время матеріалистическому ученію о душѣ покровительствуетъ особенно-необыкновенный упадокъ религіознаго чувства въ образованномъ классѣ народа, сильное развитіе эгоизма въ гражданскихъ отношеніяхъ, довольно распространившаяся система дѣйствій на основаніи своекорыстныхъ расчетовъ, неудержимое направленіе общества къ роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ. И всеѣмъ этимъ стремленіямъ матеріализмъ старается придать видъ законности, злоупотребляя замѣчательными нынѣ успѣхами естественныхъ наукъ, чрезъ произвольное приложеніе ихъ изслѣдованій къ той области человѣческой жизни, которая этими изслѣдованіями ни какимъ образомъ объяснена быть не можетъ. Чтобы избѣгнуть обѣихъ этихъ, равно гибельныхъ крайностей, мы должны найти какое нибудь несомнѣнное водитель-

ство въ самомъ, такъ сказать, преддверіи того храма, въ который теперь вступаемъ, и сѣдовать ему со всею точностію, не увлекаясь ни предзанятою идеею, ни духомъ школы. Такое водительство, способное въ одно и то же время какъ представить намъ полную сумму фактовъ внутреннего опыта, такъ и устранить явленія, тѣснящіяся въ нашу науку изъ области опыта внѣшняго, есть *сознаніе*.

Что такое сознаніе? Откуда оно въ человѣкѣ? Въ какой связи оно съ человѣческою природою? Какія условія большаго или меньшаго его развитія?—Эти вопросы, при самомъ вступленіи въ науку, основательно рѣшены быть не могутъ, если наука тотчасъ, съ перваго шага, не должна вступать на свое поприще въ вѣнѣкъ языческаго оракула, провѣщающаго какъ бы ея *trépode*. При томъ рѣшеніе ихъ теперь и не нужно. Кому придетъ на мысль спрашивать преддверника о его происхожденіи, знакомствахъ, отношеніяхъ, образѣ жизни и проч., когда требуется только, что бы онъ отворилъ дверь и доложилъ хозяину? Или станемъ ли мы изслѣдывать, гдѣ, кѣмъ и изъ каковаго матеріала отлита свѣча, когда при ея свѣтѣ нужно только войти въ темную комнату? Сознаніе въ природѣ человѣческаго духа есть фактъ, свидѣтельствующій о самомъ себѣ чрезъ самаго себя; оно есть единственная непосредственность или единственное непосредственное явленіе, для познанія котораго не требуется ничто другое, кромѣ его самого, тогда какъ само оно безусловно требуется для познанія всего другаго. Сознаніе есть свѣтъ, разсвѣвающій таинственный мракъ, которымъ облечено нравственное существо человѣка,—свѣтильникъ, при которомъ видно все, что въ немъ есть, и безъ котораго все

погребено было бы во тьмѣ безотчетныхъ животныхъ ощущений. Этотъ то свѣтильникъ беремъ мы въ руководство съ совершенною увѣренностью, что при его свѣтѣ съ одной стороны обнажатся предъ нами всѣ факты внутренняго опыта, съ другой отдѣлится и устранится все чуждое нравственной нашей жизни и пришедшее отъ вѣ — изъ міра виѣшняго. Поэтому на сознаніе мы смотримъ, какъ на начало *Психологiи*, и смыслъ этого начала опредѣляемъ самымъ его назначеніемъ — озарять факты познающей, желающей и чувствующей нашей природы. Въ основаніи нашей науки должно лежать непосредственно извѣстное и аподиктически вѣрное положеніе, что явленія, относящіяся къ существу нашего духа, сознаются, какъ добытыя внутреннимъ опытомъ, и на оборотъ, — всѣ явленія, входящія въ сознаніе, какъ факты внутренняго опыта, относятся къ существу нашего духа. Отсюда само собою явствуется, что сознаніе, какъ начало психологiи, ни формально, ни реально: потому что оно во первыхъ не опредѣляетъ формы нашихъ познаній о душѣ, т. е. не показываетъ, какимъ образомъ факты внутренняго опыта должны быть взаимно соединяемы, чтобы составили одно гармоническое цѣлое; во вторыхъ, оно само по себѣ и изъ себя не даетъ матеріи для нашей науки, то есть, изъ понятія о сознаніи, какъ о свѣтѣ, озаряющемъ все, чѣмъ проявляется душа, нельзя вывести того, чѣмъ можетъ и должна она проявляться. Сознаніе въ формальномъ и реальномъ отношеніи есть начало не *доказательное*, а только *указательное*: озаряя тайники чловѣческаго духа, оно этимъ самымъ какъ бы указываетъ въ нихъ на готовыя уже явленія и предшествуетъ внутреннему опыту въ его наблюденіяхъ, чтобы

онъ не упустилъ изъ виду ни одного факта въ существѣ имъ изслѣдуемомъ и могъ вѣрно опредѣлить значеніе каждаго изъ нихъ. Поэтому сознаніе не беретъ на себя отвѣтственности въ ошибкахъ психолога, допускаемыхъ при формальномъ или матеріальномъ построеніи науки: напротивъ психологъ грѣшитъ предъ своимъ сознаніемъ, если не обращаетъ вниманія на то, что сознаетъ. или привноситъ въ свою науку то, чего сознаніе ему не указываетъ.

Впрочемъ психологія, полагая въ основаніе своего развитія сознаніе, въ правѣ и съ своей стороны требовать отъ него нѣкоторыхъ условій. Оно, какъ начало, указывающее на факты внутреннего опыта, пока его природа еще не извѣстна, представляется намъ конечно началомъ абсолютнымъ: но эту абсолютность можно оставить за нимъ до времени только въ смыслѣ *качества*, подъ которымъ принадлежитъ оно всѣмъ людямъ, и потому имѣетъ характеръ всеобщности. Таковымъ ли найдемъ мы его, если будемъ разсматривать со стороны ясности его указаній? Все, что ясно, одинаково зависить отъ начала свѣтящаго; но не все свѣтящее сообщаетъ одинаковую ясность предмету освѣщаемому. Поэтому умѣстенъ вопросъ: въ одной ли и той же степени у всѣхъ людей озаряются сознаніемъ факты внутреннего опыта? Очевидно, что здѣсь спрашивается уже не о *качествѣ*, а о *количествѣ* сознанія; и отвѣтъ не труденъ: сознаніе въ количественномъ отношеніи не только не абсолютно въ человѣческой природѣ вообще, но до крайности измѣнчиво отъ разныхъ причинъ даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ; а представленіе этихъ причинъ предполагаетъ возможность пропедевтики сознанія. или такихъ практическихъ и тео-

ретиическихъ, положительныхъ и отрицательныхъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ свѣтъ его получаетъ больше напряженности и яснѣе озаряетъ факты внутренняго опыта. Посему психологія, повторяемъ, въ правѣ требовать, что бы сознаніе было въ достаточной степени развито и, получивъ навыкъ обращаться къ внутренней сторонѣ человѣческой жизни, осязательно указывало, что въ ней есть и чего нѣтъ. Это условіе для нашей науки тѣмъ важнѣе и необходимѣе, что при выполненіи его она надѣется расширить горизонтъ своего зрѣнія; ибо какъ скоро факты внутренняго опыта будутъ озаряемы сознаніемъ съ надлежащею ясностію, — психологическій анализъ получитъ возможность раскрыть ихъ до такихъ подробностей, что найдетъ въ нихъ достаточное основаніе *для заключенія* даже къ тому, что непосредственно не подлежитъ сознанію и скрывается либо въ недоступной глубинѣ человѣческаго духа, либо въ неразгаданныхъ законахъ органической жизни. Посредствомъ такихъ заключеній психологія придетъ во внутреннюю связь съ одной стороны съ философіею религіи, а съ другой — съ физиологіею человѣческаго организма, и составитъ среднее звено въ ряду наукъ, раскрывающихъ двухстороннюю нашу природу.

§ 4. *Предметъ Психологіи.*

И такъ психологія стоитъ теперь на точкѣ сознанія фактовъ внутренняго опыта, и своими заключеніями, если найдутся достаточныя для нихъ основанія, готова проникнуть въ смежныя съ сознаніемъ предѣлы несознаваемаго. Ограничивъ такимъ образомъ ея сферу мысленною периферіею, которой многія точки впрочемъ теряются въ содержаніи соприкосновенныхъ съ нею

наукъ, мы можемъ, при свѣтѣ сознанія, сдѣлать по крайней мѣрѣ опытъ обзорѣнія тѣхъ многоразличныхъ матеріаловъ, которые должны быть разработаны и исследованы ею. Но при одномъ, даже самомъ бѣгломъ взглядѣ на факты внутренняго опыта, озаряемые сознаніемъ, мысль теряется и исчезаетъ въ необозримомъ ихъ множествѣ. Возьмемъ психическую жизнь хоть одного человѣка, отъ первыхъ проблесковъ его сознанія до послѣднихъ предсмертныхъ проявленій его ума, воли и сердца. Какая это необъятная исторія мыслей, желаній и чувствованій! Они каждый день льются потокомъ, возбуждаются одни другими, будто волны волнами, и исчезаютъ одни въ другихъ, будто звуки въ гармоніи. Между тѣмъ все это жило, дало плодъ, было сознано и увѣковѣчено сознаніемъ; все это вошло въ смыслъ нравственнаго развитія человѣка и, лежа въ чертахъ въ психической его жизни, требуетъ себѣ мѣста въ ея исторіи. Но кто начерталъ такую автобіографію? Кто когда нибудь въ состояніи былъ слѣдовать мыслию за полетомъ собственныхъ мыслей, мельбавшихъ быстрѣ молніи, за движеніями сердца, опереживавшими быстроту свѣта, за стремленіями воли, перегонявшими время? Между тѣмъ эти летучія мысли, видоизмѣняясь, перерабатываясь, воспроизводясь и различнымъ образомъ соединяясь и раздѣляясь, мало по малу организовались въ понятія и приходили къ значенію умственнаго взгляда на вещи; эти сердечныя движенія, различно ограничиваясь безчисленными впечатлѣніями и входя въ соотношеніе съ ними то чувственною, то духовною стороною, будто токъ магнитной силы, — то отрицательнымъ, то положительнымъ полюсомъ, незамѣтно устанавливались въ эстетическую тему жизни; эти сво-

бодныя стремленія, чтобы не потеряться во множествѣ предметовъ, сосредоточиваясь въ болѣе тѣсной сферѣ избранія, нечувствительно приближались къ одному направленію и получали устойчивость въ значеніи нравственнаго характера. Да и тутъ все, добываемое временемъ изъ микроскопическихъ, такъ сказать, проявленій ума, воли и сердца, какимъ подвергается еще переработкамъ отъ наплыва новыхъ мыслей, желаній и чувствованій, отъ непрестанно вертящагося колеса обстоятельствъ, которыми вызывается въ область опыта то, что прежде не было испытываемо, и отъ большого или меньшаго развитія способностей въ разныхъ возрастахъ человѣка! Сколько разъ въ жизни переиначимъ мы свои понятія, перестроимъ свои взгляды, перемѣнимъ свои убѣжденія, передвигаемъ свой характеръ, перестановимъ свои цѣли! Какъ же психологу услѣдить за всѣми этими перемѣнами, исчерпать всю эту бѣдную явленій внутренняго опыта только въ самомъ себѣ и — мало того исчерпать — еще поставить ихъ въ связь и зависимость, что бы дать себѣ полный и самый подробный отчетъ въ жизни и дѣятельности одной собственной своей души? Между тѣмъ вокругъ его — на всемъ пространствѣ земнаго шара, до тысячи милліоновъ такихъ же разумно-свободныхъ существъ, съ тѣмъ же сознаніемъ, съ тѣми же опытами самонаблюденія, съ тѣмъ же безсиліемъ самопознанія, но съ тѣмъ же правомъ видѣть и узнать себя въ наукѣ. И въ этой тысячѣ милліоновъ сколько такихъ людей, въ которыхъ явленія внутренней жизни, если не качественно, то количественно, могутъ быть до того высоки или низки, что степени нравственнаго стоянія ихъ психологъ и вообразить не въ силахъ! И однакожъ европеецъ и но-

возеландецъ, парижаини и юкагиръ, англійскій лордъ и бомбейскій раія—равно предметы психологіи. Есть статистика жизни народной, описывающая ея бытъ въ предѣлахъ виѣшняго опыта: можно читать цифры, опредѣляющія народонаселеніе страны, гражданскія, военныя, хозяйственныя и педагогическія средства ея силы и благоденствія. Но кто написалъ и въ состояніи написать статистику нравственную, которая бы во всѣхъ слояхъ государства прослѣдила движеніе мысли и чувства и показала его въ опредѣленныхъ итогахъ? А сколько перемышляло, переживало, перенесло человечество въ продолженіе пережитыхъ имъ тысячелѣтій! Безчисленныя племена, живя частною и общественною жизнью, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, и факты внутренняго опыта, возбуждавшіеся въ каждомъ недѣлимомъ, завѣшавали исторію, какъ доказательство, что они составлялись также изъ людей, и что эти недѣлимые были отнюдь не безразличными звеньями въ непрерывной цѣпи развивавшагося человечества. Между тѣмъ, что принесла намъ исторія изъ длиннаго ряда вѣковъ протекшихъ?—Принесла нѣсколько капель изъ цѣлаго океана мыслей, чувствованій и желаній, поколику тѣ капли, вытѣсненные борьбою сокровенныхъ началъ нравственной жизни, вырывались наружу и становились достояніемъ опыта виѣшняго. Этимъ-то скуднымъ наслѣдіемъ прошедшаго обязаны мы исторіи, а внутренняя, собственно психическая жизнь историческаго міра, сокровенная пружина виѣшнихъ его явленій, остается для насъ большею частію предметомъ темныхъ догадокъ и произвольныхъ предположеній.

И такъ задача психологіи даже и въ тѣхъ предѣлахъ, которыми предметъ ея очерчивается частію со стороны

недоступной глубины человеческого духа, частию со стороны неразгаданныхъ законовъ органической жизни, оказывается задачею необъятною, или такимъ вопросомъ, за полное рѣшеніе котораго не ручается ни внутренній опытъ, ни сознаніе. Поэтому психологъ, обобщаясь теперь по своему предмету съ нравственнымъ бытомъ всего современнаго человѣчества, котораго представителемъ однакожь онъ, по видимому, быть не можетъ, и съ историческою жизнію всѣхъ минувшихъ его поколѣній, которая болѣею частию исчезла для него въ безднѣ прошедшаго, долженъ ограничить свой предметъ такъ, чтобы самое это ограниченіе давало ему право разсуждать о разумно-свободной душѣ вообще и ручалось за то, что психологическія его изслѣдованія имѣютъ значеніе общечеловѣческое. Такое ограниченіе, сколь ни труднымъ представляется оно съ перваго взгляда, можетъ быть сдѣлано чрезъ достаточное различеніе только двухъ понятій: *матери* и *формы* фактовъ внутренняго опыта. Матерію явленій, которыми обнаруживается внутренняя человѣческая жизнь, составляетъ все то, что существенно входитъ въ нравственную ея природу, никогда отъ ней не отдѣляется и характеризуетъ ее такъ, что безъ этого характеристическаго содержанія она отнюдь не была бы тѣмъ, что есть, — нравственною человѣческою природою. Къ такому ея содержанію необходимо относится и свойственная ей способность принимать многоразличныя формы, — разнообразиваться до безконечности. По матеріальнымъ чертамъ внутренней своей жизни и по своей способности различнымъ образомъ формовать ихъ, человѣкъ вездѣ и всегда — одинаковъ. Съ этой стороны милліоны разумно-свободныхъ существъ, населявшихъ искони и нынѣ населяющихъ

земной шаръ, суть не болѣе, какъ воспроизведеніе того же самаго существа, такъ что каждый въ себѣ самомъ, будто въ зеркалѣ, можетъ сознать все человѣчество. Но не такъ надобно думать о формальности психическихъ явленій. Форма нравственной жизни есть взаимное соотношеніе фактовъ внутренняго опыта. Человѣкъ можетъ свои мысли, желанія и чувствованія по-ставлять въ ту или другую связь, давать имъ то или другое направленіе, наклонять ихъ къ той или другой цѣли: отсюда происходитъ многообразіе понятій, стремленій, ощущеній, то пріятныхъ и утѣшительныхъ, то скорбныхъ и безотрадныхъ; отсюда человѣчество дробится на безконечное множество недѣлимыхъ, одно на другое непохожихъ: но все это проходитъ, измѣняется и, указывая на различныя состоянія человѣка, нисколько не показываетъ, что такое человѣкъ самъ въ себѣ, въ существенныхъ свойствахъ своей природы; все это напротивъ само должно и можетъ оцѣниваться непосредственно только матерією фактовъ внутренняго опыта. Имѣя въ виду такое различіе между матеріальными и формальными явленіями нравственной жизни человѣка, мы ограничиваемъ предметъ своей науки лишь первыми изъ нихъ и чрезъ это не только не описываемъ у ней ничего изъ ея содержанія, но еще даемъ ей важнѣйшее значеніе въ отношеніи къ оцѣнкѣ современной и исторической дѣятельности человѣчества: ибо не формы жизни должны давать психологич. матерію ея изслѣдованій, а на оборотъ—матерія психологическихъ изслѣдованій должна обозначать, въ какихъ формахъ надлежитъ развиваться жизни; подобно тому, какъ не рынокъ долженъ указывать, что нужно человѣку, а на оборотъ — соображеніе потребностей человѣка должно

показать, чему слѣдуетъ быть на рынкѣ. И такъ предметомъ предначертываемаго нами ученія о душѣ должна быть душа въ существенныхъ и основныхъ явленіяхъ ея природы, которыя матеріально общи всѣмъ людямъ и разнятся въ недѣлимыхъ только формою, то есть образомъ, отношеніемъ и направленіемъ своего развитія, которыми, покуда понимаютъ они въ значеніи матеріальныхъ дарованій, одинъ человѣкъ не отличается отъ другаго, и которыя доступны внутреннему опыту каждаго недѣлимаго, сколько позволяетъ ему это большая или меньшая напряженность его сознанія. Но, ограничивъ такимъ образомъ предметъ своей науки, психологъ все еще не можетъ съ увѣренностію сказать, что онъ владѣетъ чистымъ ея содержаніемъ. У кого есть искусство внутренне созерцать самаго себя, тотъ, по словамъ одного германскаго философа, конечно открываетъ въ себѣ какъ бы новыя страны, недознанныя міры, гдѣ все, что для человѣка цѣнно, можетъ быть его пріобрѣтеніемъ. И такое самосозерцаніе удобно во всякомъ положеніи, во всякое время; это—единственное занятіе, при которомъ не требуются ни книга, ни помощь другихъ. Но при этомъ надобно опасаться, какъ бы психологія, относительно къ своему предмету, не встрѣтила себѣ врага въ самомъ психологѣ, какъ бы, то есть, вмѣсто дѣйствительнаго богатства матеріальныхъ фактовъ внутренняго опыта, общихъ всѣмъ людямъ, не открылъ онъ въ себѣ какихъ нибудь частныхъ ограниченій, нажитыхъ только собственною его природою, и, владѣя этимъ сокровищемъ самъ, не сталъ предполагать его въ другихъ, не почелъ достояніемъ общечеловѣческимъ. Внутренняя жизнь психолога, равно какъ жизнь каждаго человѣка, можетъ различнымъ образомъ

видоизмѣняться и, подѣ влияніемъ вѣшнихъ условій своего развитія, проявлять существенныя свои силы въ различныхъ формахъ, которыя, смотря по ограничивающимъ ее условіямъ, могутъ быть сообразны съ нею и несообразны, естественны и неестественны. Отсюда и самое чистое по видимому созданіе его ума—идея науки, извѣстнымъ образомъ ограничиваясь, можетъ принимать оттѣнки подлежательныхъ убѣжденій и выступать въ міръ опыта распѣченною, наряженною согласно со вкусомъ и личными требованіями ея развителя. Это такъ называемое *vitium subreptionis*, позволяющее себѣ выдавать подлежательныя мнѣнія за подлежательныя истины, бываетъ какъ бы эпидемическою язвою почти всѣхъ научныхъ взглядовъ и систематическихъ построеній, въ которыхъ неизмѣнно раскрывается какая нибудь одна господствующая идея. Посему психологъ, чѣмъ послѣдовательнѣе и отчетливѣе хочетъ вести свою науку, тѣмъ болѣе долженъ стараться, чтобы къ его предмету не примѣшивалось ничто подлежательное,—частное и случайное. Входя, при свѣтѣ сознанія, въ область внутреннего опыта, онъ обязанъ и въ себѣ самомъ строго различать существенное содержаніе нравственной своей жизни отъ ограничивающихъ его формъ, и, оставляя послѣднія, разсматривать только первое. Пусть эти формальныя выраженія фактовъ самопознанія были бы и вѣрны,—они, поставленные и на заднемъ планѣ, отъ того не теряютъ своего достоинства; наука взыщетъ ихъ, какъ скоро коренныя явленія человѣческаго духа потребуютъ соотвѣтственныхъ себѣ очертаній. Чистая истина постигается только чистымъ зрѣніемъ; чрезъ предрасположенія, или какія нибудь предзанятыя начала, которыми нравственное око

бываетъ вооружаемо, будто призматическими стеклами, она во всей своей чистотѣ не усматривается; эти своеобразности психологъ долженъ оставить за порогомъ ея святилища и вступить въ него безъ заднихъ мыслей, съ простосердечіемъ и прямодушіемъ дитяти.

Принявъ такія ограниченія, предметъ психологіи безспорно весь озаряется сознаніемъ, весь дѣлается доступнымъ внутреннему опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ весь имѣетъ значеніе общечеловѣческое. Но рассматривая его въ этомъ объемѣ, психологія была бы наукою о душѣ все еще въ смыслѣ самомъ обширномъ и замыкала бы въ себѣ многія другія науки, которыя, по своимъ началамъ, хотя и могутъ быть почитаемы психологическими, по отдѣльности своего развитія однакожъ давно уже получили мѣсто въ ряду ученій самостоятельныхъ. Если предположимъ, что существенные факты внутренняго опыта суть не иное что, какъ силы души; то естественно согласимся, что эти силы, принадлежа душѣ, въ то же время должны обнаруживаться дѣятельностію: а если онѣ дѣйствуютъ, то въ душѣ необходимо быть законамъ, по которымъ производится ихъ дѣятельность. Если предположимъ далѣе, что эти дѣйствующія силы, поколику дѣйствующія, сдѣлались предметомъ особаго изслѣдованія, которое поставило себѣ цѣлю раскрыть законы ихъ дѣятельности и, по существу этихъ законовъ, опредѣлить формы ея; то конечно допустимъ, что сколько было бы замѣчено такихъ силъ, столько могло бы быть развито особыхъ психологическихъ наукъ, рассматривающихъ законы и формы дѣятельности нравственной человѣческой природы. Этимъ дѣйствительно путемъ развиты и обособлены науки — *Логика*, какъ ученіе о законахъ и формахъ мышленія; *Исика*,

какъ ученіе о законахъ и формахъ желанія; *Эстетика*, какъ ученіе о законахъ и формахъ чувствованія ⁽¹⁾. Всѣ эти науки таковы, что, съ одной стороны, по общности своего развитія, не хотятъ оставаться въ предѣлахъ психологіи и составлять съ нею одно органическое цѣлое, а съ другой, по имманентному содержанію ихъ началъ въ живомъ организмѣ ученія о душѣ, не могутъ совершенно и отдѣлиться отъ него. Въ такомъ случаѣ психологія, какъ основа этихъ развѣтвленныхъ психологической энциклопедіи, должна, не изгоняя ихъ всецѣло изъ своей области (что было бы болѣзненно и для ней самой, и для нихъ), снова ограничить предметъ своихъ изслѣдованій такъ, чтобы онъ не смѣшивался съ предметами наукъ, отъ ней происшедшихъ и развивающихся въ той же средѣ внутренняго опыта, озаряемаго сознаниемъ. Это послѣднее необходимое ограниченіе предмета психологіи можетъ быть сдѣлано чрезъ подведеніе его опять подъ двѣ еще высшія категоріи: *бытіе* и *дѣятельность*. Всѣ явленія нравственной нашей жизни, при одинаковой ихъ существенности и общности, сознаются либо какъ нѣчто имѣющееся въ душѣ, либо какъ нѣчто, дѣлающееся въ ней. Человѣческая природа конечно не заключаетъ въ себѣ ничего, что имѣлось бы въ ней, не дѣйствуя, или дѣйствовало, не имѣясь; однакожъ между этими фактами сознанія есть

(1) Къ сему же отдѣлу психологическихъ наукъ можно бы, если угодно, отнести и *Мнемонику*, какъ ученіе о законахъ и формахъ памятованія: но Мнемоника еще не получила такого развитія, чтобы могла держаться самостоятельно. Память едва ли не менѣе всѣхъ другихъ силъ души подчинялась донынѣ психологическому анализу, и законы ея дѣятельности остаются почти вовсе неразъясненными. Поэтому выходившіе въ послѣднее время опыты Мнемоники состоятъ болѣею частію изъ замѣчаній, не имѣющихъ значенія психологическаго, или въ собственномъ смыслѣ научнаго.

причинная связь и замѣчается только односторонняя зависимость: все дѣйствующее въ душѣ потому дѣйствуетъ, что имѣется; но все имѣющееся въ душѣ не потому имѣется, что дѣйствуетъ. Слѣдовательно одинъ и тотъ же фактъ внутренняго опыта можетъ быть разсматриваемъ особо, какъ имѣющееся, и опять особо, какъ дѣйствующее. При томъ, мы сказали выше, что къ матеріальнымъ фактамъ внутренней нашей природы относится также и способность ея принимать многоразличныя формы. Эта способность во всякомъ случаѣ обуславливается положенными въ душѣ законами, которые, управляя дѣятельностію ея силъ, въ то же время принадлежать ей, какъ бытіе. Такимъ образомъ законодательство нашего духа служить какъ бы гранью, отдѣляющею то, что въ немъ есть, отъ того, что въ немъ дѣлается, или точкою перехода отъ бытія къ дѣятельности. Законами предполагаются силы, — это область бытія; дѣятельностію же предполагаются законы. — это область формъ, которыми обнаруживается бытіе. Разсматриваніе силъ нравственной нашей жизни, покольку онѣ являются въ сознаніи просто какъ бытіе или факты внутренняго опыта, и опредѣленіе гармоническаго соотношенія ихъ въ человѣческомъ духѣ, — вотъ что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ должно быть предметомъ психологіи; а разсматриваніе формъ дѣятельности психическихъ силъ, каковы онѣ должны быть сами по себѣ и во взаимномъ своемъ отношеніи, по требованію внутренняго нашего законодательства — есть дѣло упомянутыхъ выше наукъ мышленія, чувствованія и желанія. Ограниченная такимъ образомъ въ своемъ предметѣ психологія, по всей справедливости, относится къ разряду наукъ *реальныхъ*, потому что занимается исключительно изслѣдованіемъ са-

маго бытія, или того, что дѣйствительно есть въ душѣ. Напротивъ, науки мышленія, чувствованія и желанія обыкновенно называются *формальными*, потому что предметъ ихъ ограничивается единственно наблюденіемъ того, *какъ* все, находящееся въ душѣ, живетъ и дѣйствуетъ.

§ 5. Метода Психологій.

И такъ психологія теперь у насъ—въ опредѣленной чертѣ своего предмета; опредѣленный ея предметъ озаряется сознаніемъ; сознаніе, озаряя его, указываетъ поприще дѣятельности внутреннему опыту. Предметъ, сознаніе и опытъ,—этими тремя моментами самопознанія ограничиваются всѣ средства нашей науки. Такими средствами не можетъ ли быть указана и самая метода ея развитія?

Исторія философіи представляетъ много примѣровъ построенія психологіи и при другихъ способахъ: философы болышею частію позволяли себѣ дѣлать заключенія о человѣческой душѣ не по самымъ явленіямъ души, а по принятымъ взглядамъ на міръ, или по общей, усвоенной извѣстнымъ мыслителямъ, идеѣ всего существующаго. Идея конечно еще рѣже, чѣмъ обыкновенное понятіе, возникаетъ въ душѣ съ неукоризненною чистотою, ибо почти всегда оттѣняется чертами такъ или иначе слагающейся жизни; однакъ она бываетъ самородною мыслию человѣческаго духа, которая, незамѣтно ограничившись эмпирическими послылками, не сознаетъ этихъ ограниченій, но, строя міровые свои идеалы, смотритъ на нихъ, какъ на произведенія самостоятельной и независимой умственной дѣятельности. Очевидно, что, проявляясь въ психологіи съ такою самостоятельностью, она дѣлается глав-

нымъ, направительнымъ ея началомъ, и многообразнымъ фактамъ психической жизни указываетъ такое мѣсто и значеніе, какое позволяетъ имъ имѣть ея взглядъ на гармоническій составъ вселенной. Направляемая известною идеею, психологія, въ своемъ развитіи, подчиняется *методъ синтетической*, въ которой внутренній опытъ точно такъ же относится къ идеѣ, какъ въ организмъ гражданского тѣла власть исполнительная къ власти законодательной. При господствѣ идеи въ наукѣ, внутреннему опыту предоставляется дѣятельность только второстепенная: онъ долженъ разсматривать явленія нравственной жизни человѣка, но не иначе, какъ примѣнительно къ началу системы, занимающей всѣ виды бытія. По этому вызовъ явленій на первый планъ въ области науки, или помѣщеніе ихъ на второмъ планѣ; поставленіе фактовъ подъ самый фокусъ сознанія, или наблюденіе его въ тѣни; полное раскрытіе того или другаго отголоска въ духовномъ мірѣ, или совершенное умолчаніе о немъ; непосредственное соединеніе известного явленія съ этими явленіями или съ тѣми; — все это зависитъ не отъ внутренняго опыта, а отъ начала или законодательной власти идеи. Само собою явствуется, что, воплѣ завися отъ идеальнаго взгляда человѣка на міръ, психологія не можетъ быть наукою самостоятельною, а тѣмъ еще менѣе основною. Въ такомъ случаѣ она есть не что иное, какъ часть философіи, которая въ самой себѣ, или въ своей идеѣ, полагаетъ основаніе ея развитія, и по силѣ этого идеальнаго основанія, сообщаетъ ей характеръ и самое имя *Психологійи умственной*.

Психологія умственная конечно имѣетъ свои достоинства, потому что основывается на идеѣ и чрезъ то по-

лучаетъ значеніе науки философской: но эти самыя достоинства, какъ легко было замѣтить изъ вышесказаннаго, могутъ въ области изслѣдованій пораждать и заблужденія, если идея психолога бываетъ ограничена и отгѣнена несогласно съ дѣйствительною природою души. Такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ идеи, то безъ сомнѣнія было бы гораздо лучше—не предполагать ея, какъ нѣчто данное, а найти путемъ самопознанія, чтобы потомъ не психологию развивать по идеѣ философіи, а философію по идеѣ психологіи, и такимъ образомъ науку о душѣ положить въ основаніе всей энциклопедіи наукъ философскихъ. Такое стремленіе тѣмъ позволительнѣе, что человѣка искони называютъ микрокосмомъ, или малымъ міромъ, и что слѣдовательно въ немъ можно найти залоги всякаго бытія, подслушать гармонію жизни, разлитой въ цѣлой вселенной, и созерцать таинственные символы связей, соединяющихъ все мірозданіе. Не рѣшаемся преждевременно утверждать, что многовѣковая мысль о микрокосмѣ вполне справедлива: потому что и она также представляется намъ выраженіемъ идеи и требуетъ повѣрки: однакожь мы видимъ въ ней идею психологическую, которая могла быть найдена не иначе, какъ путемъ долговременнаго самонаблюденія, независимо ни отъ какого предзнатаго философскаго взгляда. Это по крайней мѣрѣ даетъ намъ право надѣяться, что психологія, и при посредствѣ одного внутренняго опыта, руководимаго сознаніемъ, можетъ быть развита до того, что наконецъ получить достаточную опору для заключенія всеобщаго, которое позволительно будетъ принять за идеальное основаніе выводовъ, требуемыхъ синтезомъ философіи; ибо въ самомъ дѣлѣ не удивительно, что, познавъ

себя въ духовной нашей природѣ, мы въ этомъ познаніи нашли бы ключъ къ уразумѣнію всего существующаго. Но какимъ образомъ внутренній опытъ, не вспомоществуемый ничѣмъ, кромѣ сознанія, можетъ идти къ этой цѣли? Въ опытѣ мы видимъ всегда дѣятеля медленнаго, робкаго, недальновиднаго, — и тогда какъ идея быстрымъ взглядомъ смѣло обнимаетъ весь горизонтъ своего предмета и силою полагаемаго ею начала держитъ его въ значеніи одного цѣлаго, тотъ идетъ шагъ за шагомъ, ощупью, отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ, работая здѣсь, не предвидитъ, что встрѣтится тамъ; его дѣло — разсматриваніе чего-то, еще неопредѣленнаго. по частямъ, чтобы наконецъ найти общій ихъ итогъ и опредѣлить имъ цѣлое. Если наука избрала себѣ такой способъ познанія предмета, то она держится, говорятъ, *методы аналитической*.

И такъ, оставляя психологію въ области духовной нашей жизни съ однимъ внутреннимъ опытомъ и сознаніемъ, мы обрекаемъ ее на трудъ копотливый, медленный и, собственно говоря, нескончаемый, требующій дѣятельности не одного человѣка, а цѣлаго человѣчества, не годовыхъ усилій, а многовѣковыхъ подвиговъ; ибо кто когда вибудь завершить изслѣдованіе неизслѣдимой бездны человѣческой природы? Кто закончить анализъ нашего духа во времени, когда въ немъ ясно замѣчаются основанія требованій вышневременныхъ? Сколько — даже почти на нашей памяти — открыто въ немъ новыхъ явленій и по этому поводу возбуждено новыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ только еще ожидается? А сколько безъ сомнѣнія скрываетъ онъ въ себѣ донинѣ недознаваемаго и соблюдаемаго въ даръ наукъ другихъ

поколѣній! Но что? Неужели психологія, слѣдующая методѣ аналитической, должна быть только лѣтописью духовной жизни человѣка, присоединяя новыя страницы къ памятникамъ прошедшаго, чтобы потомъ передать ихъ для продолженія времени будущему? — Нѣтъ, она обязана также, смотря по количеству накопившихся фактовъ, порою дѣлать общія наведенія и чрезъ нихъ вызывать идеи для философскаго синтеза, или въ нихъ указывать правила для цѣлесообразнаго направленія человѣческой жизни и основанія для современнаго развитія философіи. Но такія наведенія не иначе возможны, какъ подъ условіемъ группированія явленій духовной природы человѣка, или подведенія ихъ подъ какія нибудь категоріи, подобно тому, какъ ботаникъ, имѣя подъ руками безчисленное множество экземпляровъ растительнаго царства, можетъ составить гербарій только при посредствѣ извѣстной классификаціи ихъ. Группированіе же или классификація фактовъ внутренняго опыта есть уже дѣло не анализа, а синтеза. Изъ этого ясно, что психологія, слѣдующая методѣ аналитической, не можетъ имѣть достоинства науки, если ея развитію не будетъ помогать свойственный идеѣ синтезъ; только послѣдній всегда остается въ ней дѣятелемъ второстепеннымъ, оруднымъ и зависящимъ отъ анализа. Какъ въ методѣ синтетической, при господствѣ идеи, опытъ бываетъ только служебнымъ средствомъ построенія науки, доставляя ей матерію: такъ въ методѣ аналитической, при господствѣ опыта, идея съ своимъ синтезомъ есть только вспомогательное средство ея развитія и даетъ ей форму. Держась этой методы, психологъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на содержаніе своей науки или на факты внутренняго опыта и, только

примѣнительно къ найденнымъ имъ фактамъ, позволяетъ ей принять ту или другую форму. Поэтому ея наука, поставляющая всю сущность своего дѣла въ фактическомъ разсматриваніи души, при свѣтѣ сознанія, формальное же свое развитіе совершающая не иначе, какъ въ зависимости отъ фактовъ, справедливо называется *Психологіею опытною*.

§ 6. Цѣль Психологіи.

Подвизаться на поприщѣ психологіи, слѣдуя такой копѣстливой методѣ, то есть, дѣйствовать большею частию въ самомъ себѣ, не поддаваясь обаянію вѣшняго опыта, безъ сомнѣнія и скучно и утомительно; потому что здѣсь требуется упорная борьба съ привычкою цѣлой жизни—искать впечатлѣній только за дверями своего дома. Но кромѣ скуки и утомительности, не есть-ли это вѣсть трудъ безцѣльный? Кому и для чего нужно такое нравственное затворничество психолога? Всѣ люди, если смотрѣть на ихъ стремленія вообще, преслѣдуютъ двѣ цѣли: достигнуть возможно большаго личнаго совершенства и поставить себя въ возможно лучшія отношенія ко всему, чѣмъ окружена и условливается жизнь. Первую цѣль можно назвать *непосредственною* или *подлежательною*, а послѣднюю—*посредственною* или *предметною*. Чрезъ указаніе этихъ цѣлей, мы, кажется, нисколько не стѣсняемъ понятія о прогрессѣ, который такъ радужно рисуется въ умахъ современнаго общества. Что же? Стоитъ-ли психологія на пути такого внутренняго и вѣшняго прогресса и помогаетъ ли человѣку достигать указанныхъ цѣлей? Намъ представляется, что разумное и сознательное достиженіе ихъ не иначе и возможно, какъ подъ условіемъ знанія души;

а знаніе души, какъ выше сказано, приобрѣтается психологически.

Понятіе о стремленіи человѣка къ совершенству, какъ формальное, весьма неопредѣленно: философія, еще со временъ Лейбница и Вольфа, въ основаніе человѣческой дѣятельности полагала начало самоусовершенія, и однакожъ никогда не удовлетворялась имъ окончательно, потому что оно не даетъ ни матеріи дѣйствій, ни реального образца, примѣнительно къ которому надобно дѣйствовать; а безъ этого, слѣдуя ему, всякій можетъ усовершенять себя по своему, и иной достигаетъ такого совершенства, отъ котораго въ послѣдствіи бываетъ страшно и самому, и другимъ. Всѣ мы идемъ впередъ, чтобы чрезъ это поступательное движеніе сдѣлаться совершеннѣе: но кто скажетъ намъ, что, идучи по извѣстному направленію, мы придемъ къ тому, что составить дѣйствительное совершенство нашей природы? Очевидно, что это можетъ намъ сказать только сама природа; ибо если она движетъ насъ по пути самоусовершенія, то въ ней, безъ сомнѣнія, должно быть сознаніе своего несовершенства, своихъ недостатковъ, которые она хочетъ восполнить. Вѣдь ищетъ пищи не сытый, а голодный, проситъ помощи не сильный, а слабый. Поэтому мы должны спросить у человѣческой природы, чего ей недостаетъ, въ чемъ она несовершенна, чтобы постараться доставить ей такое именно совершенство, въ какомъ она существенно нуждается. А эта вопрошающая и испытующая человѣческую природу наука и есть психологія; потому что, пользуясь матеріальными плодами самопознанія, она опредѣляетъ относительное значеніе и достоинство фактовъ внутренняго опыта. Слѣдовательно на психологіи-то и лежитъ

обязанность — положить твердые и притом матеріальныя основанія для самоусовершенія, какъ цѣли чело-вѣческой жизни. Ее можно назвать почти психическою діагностикою нормальнаго состоянія души, или лучше рефракторомъ, который тотчасъ показываетъ, согласны ли съ ея требованіями наши мысли, чувствованія и желанія, и если несогласны, то въ чемъ именно и какое произошло уклоненіе, чтобы потомъ возстановить на-правление силы уклонившейся и устремить ее къ истин-ному совершенству челоуѣка. Отсюда явствуетъ, что достиженіе этой цѣли для нашей науки не безусловно; потому что ея дѣло—только показать содержаніе выс-шей, такъ сказать, посылки психического силлогизма (¹); а практическое самопознаніе, или низшая посылка, и подведеніе ея подъ высшую, непосредственно отъ ней не зависитъ. Къ подприцу практическаго самопознанія челоуѣкъ готовится настроеннымъ нравственно вос-питаніемъ. Тогда какъ психологія рѣшаетъ вопросъ,— что такое челоуѣческая душа вообще, въ чемъ и ка-

(¹) Челоуѣка, по нравственной его природѣ, можно назвать живымъ, олицетвореннымъ силлогизмомъ: въ немъ есть общее и частное, теорія и практика, и эти термины, подводимые одинъ подъ другой, въ заключе-ніи даютъ жизнь, совершенно соответствующую *посылкамъ*. Психологія развиваетъ содержаніе высшей посылки — теорію, *общее*; опытъ идетъ своею дорогою и готовитъ посылку меньшую — факты, *частности*. Но нерѣдко бываетъ, что которой либо одной посылки у челоуѣка недо-стаетъ;—тогда при недостаткѣ высшей, мѣсто ея занимаетъ Я и въ за-ключеніе даетъ *мозлизмъ*; а при недостаткѣ низшей, вся жизнь характе-ризуется *формализмомъ*. Если же нѣтъ у челоуѣка ни той, ни другой,— онъ не есть уже предметъ психологическій, но сознаетъ себя просто, какъ существо, живущее въ обществѣ и ограничивающееся только ви́шними условіями. Въ такомъ случаѣ онъ управляется лишь зако-нами *цивилизаци*, по требованію которой одно и то же Я является, то съ +, то съ —, и, смотря по надобности, выводитъ въ заключеніи либо 0, какъ 1, либо 1, какъ 0. Единственная опора цивилизаци есть *формальная развитость, или ви́шняя образованность*.

нимъ образомъ она должна быть усовершеняема,— педагогія спрашиваетъ, какова она въ тебѣ, и ища отвѣта на свой вопросъ, поставляетъ воспитанника предъ зеркаломъ психологическихъ изслѣдованій. Правда, благотворно дѣйствуетъ и самъ психологъ, когда, озаряя сознаниемъ область внутренняго опыта и, разсматривая природу души вообще, онъ по временамъ принимаетъ роль педагога и, бросая свѣтъ въ мрачныя излучины обыденной жизни человѣка, представляетъ примѣры подведенія частныхъ явленій подъ общія психическія начала: но это не есть прямая его обязанность; это эпизоды въ наукѣ, или фигуры, оживляющія ландшафтъ.

Не смотря, впрочемъ, на очевидную необходимость психическаго основанія для успѣховъ самоусовершенія и для вѣрнаго понятія о самоусовершеніи, можно сказать безошибочно, что люди большею частію не только не слѣдуютъ этому основанію, но и не предполагаютъ его, а между тѣмъ стремятся усовершенять себя и условія развитія нравственной своей природы видятъ въ жизни и наукѣ, будучи совершенно увѣрены, что только жизнь и наука могутъ облагородить и возвысить человѣка. Явно, что наше усовершеніе такимъ образомъ поставляется въ зависимость не отъ внутреннихъ требованій, а отъ внѣшнихъ наставленій и ограниченій; намъ предписывается усовершеняться, можетъ быть не такъ, какъ мы должны по существу своей природы, а такъ, какъ хочетъ принятый обычай, направленіе общества, или духъ времени. Общество, время, науки, конечно, — авторитеты великіе: но на нихъ съ равнымъ правомъ опирались и Тамерланы, и Нероны, и Гегели, и Штраусы, и Махіавели, и Робеспьеры. Сколько во имя со-

временности, національности и даже образованности бывало и бывает принимаемо такихъ мѣръ къ улучшенію человѣка, которыя не улучшали, а губили его! Да и то странно, какъ эти внѣшнія мѣры могутъ быть соглашены съ стремленіемъ ума къ дѣятельности сознательной, свободной и самостоятельной? Мы не одобряемъ явленій, враждебныхъ предлежательнымъ началамъ нравственной жизни и гражданского порядка, но неодобряемъ не ради самыхъ началъ, а потому, что такими явленіями обнаруживается своеволие, или личный произволъ, не имѣющій и не могущій имѣть силу правила всеобщаго. Мы порицаемъ отсталость въ области наукъ, но порицаемъ не въ угодность наукамъ, а по сочувствію къ требованіямъ души, ищущей истиннаго просвѣщенія. Намъ и жизнь не въ жизнь, если она не ведетъ насъ къ дѣйствительному совершенству, и наука не въ науку, если она не удовлетворяетъ существеннымъ нуждамъ нашего духа. Такимъ образомъ жизнь и наука, почитаемыя условіями развитія человѣческой природы, сами становятся и должны быть поставлены подъ контроль науки о душѣ, и контроль ихъ составляетъ вторую—посредственную или предметную цѣль Психологіи.

Изучая человѣческую душу, Психологія, конечно, замѣтитъ въ ней различныя стремленія и, по различію стремленій, различныя законы дѣятельности. Въ своихъ стремленіяхъ душа дастъ человѣку много-содержательную тему жизни, указывающую ему соотвѣтственные духовному ея возрѣнію предметы, которые, для удовлетворенія существующимъ ея требованіямъ, онъ долженъ или узнать, или восчувствовать, или получить, вообще поставить себя съ ними въ же-

даемая душою связи. Эти предметы—Богъ, природа и люди, и вся наша жизнь есть не что иное, какъ непрерывное усиліе занять въ отношеніи къ нимъ владѣющее мѣсто и значеніе. Явно, что выполненіе такой темы не иначе возможно, какъ чрезъ постепенное вхожденіе въ смыслъ стремленій души, а опредѣленіе смысла ихъ опять не иначе возможно, какъ чрезъ углубленіе въ самое существо ея. Душа сама въ себѣ, конечно, не есть ни Богъ, ни природа, ни даже человѣкъ въ значеніи явленія, обрамленного формами пространства и времени; однакожь если она требуетъ сихъ предметовъ, то безъ сомнѣнія носить въ себѣ идеи ихъ. И вотъ изъ этихъ-то реальныхъ идей должна быть выводима жизнь, чтобы развитіе ея было выраженіемъ всеобщей гармоніи; выведеніе же изъ нихъ правилъ жизни путемъ естественнаго самопознанія производится философскими изслѣдованіями, поколику они основываются на познаніи человѣческой природы. Пусть наука о о душѣ раскроетъ предъ нами, сколько можетъ, самое существо души: мы тотчасъ уразумѣемъ, чего она хочетъ, безъ труда опредѣлимъ, такова ли наша жизнь, какой она требуетъ, легко усмотримъ правильность или неправильность нашихъ отношеній къ Богу, природѣ и человѣчеству. Тогда узнаемъ мы и свои достоинства и свои недостатки, свою силу и свою немощь, и разрѣшимъ всѣми вѣками сознаваемый, но донынѣ еще (если исключимъ гипотезы Платона и нѣкоторыя символическія представленія древнихъ народныхъ мифологій) философски неразрѣшенный вопросъ о томъ, почему въ нашей природѣ такъ велики требованія и такъ мало средствъ къ удовлетворенію имъ, такъ высокъ идеальстиннаго, добраго и прекраснаго, и такъ ничтожны—

наша истина, наше добро и наша красота. Очевидно, что психологія, вѣрная аналитической своей методѣ, приблизившись такимъ образомъ какъ бы къ непосредственному знанію души, для котораго она по этому самому будетъ имѣть значеніе существа идеальнаго, идеально созерцающаго всякую реальность, вмѣстѣ съ тѣмъ положить основаніе философскому синтезу и дать ему средства къ построенію синтетической системы философіи. Основаніемъ своимъ философія будетъ теперь имѣть взглядъ на міръ и жизнь, исключительно согласный съ природою души, а средствами своего развитія—законы дѣятельности, найденные и опредѣленные психологическими ислѣдованіями. Съ точки своего основанія она будетъ созерцать область бытія метафизическаго, какъ философія религіи, философія природы и философія человечества; а пользуясь своими средствами, бытіе метафизическое поставитъ въ связь съ міромъ явленій, гдѣ встрѣтится съ частными науками и, обусловивъ собою формальное ихъ развитіе, въ замѣнъ сообщаемыхъ формъ, получить ихъ содержаніе, чтобы такимъ образомъ видимое было живымъ выраженіемъ невидимаго и въ чувственномъ вѣрно изображалось духовное.

§ 7. Польза Психологіи.

Впрочемъ, и независимо отъ того, что психологія полагаетъ философскія основанія для развитія жизни вообще, какое обширное, разнообразное и сильное вліяніе имѣетъ она также на обыденную нашу жизнь во всѣхъ частныхъ ея проявленіяхъ! Нельзя представить ни одного дѣйствія, производимаго душою, при которомъ не нужно было бы званіе самаго этого производителя. Будемъ разсматривать человѣческую дѣятель-

пость въ двухъ ея направленіяхъ: отъ другихъ къ намъ и отъ насъ къ другимъ, — при томъ между лицами какъ единичными, такъ и собирательными. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ отношеній долженъ зависѣть отъ удовлетворительнаго рѣшенія одного и того же вопроса: какова душа въ человѣкѣ дѣйствующемъ и принимающемъ дѣйствіе? И вопросъ этотъ рѣшается психологически.

Многому учать насъ въ низшихъ и высшихъ школахъ: какъ движутся небесныя свѣтила, какія на разныхъ полосахъ земли рождаются животныя, какъ построены города, которыхъ мы никогда не видали. А какъ-вы окружающіе насъ люди и какими ходятъ они путями, этому никто не учитъ. Намъ сообщаютъ свѣдѣнія, какъ отличать полезные плоды отъ ядовитыхъ, какъ пользоваться ручными животными и обуздывать дикихъ, какъ переплывать моря и связывать берега рѣкъ мостами. Но какъ находить добрыхъ людей и узнавать злыхъ, какъ удерживать въ предѣлахъ человѣка гордаго и воодушевить робкаго, какъ переплыть море человѣческихъ страстей и соединить мостомъ взаимно враждебныя сердца, — объ этомъ никто не сообщаетъ намъ свѣдѣній. И жить согласно съ другими для большей части человечества по этому бываетъ дѣломъ случая, или плодомъ долговременной привычки. Между тѣмъ, какъ не допустить, что для обращенія съ людьми нужны извѣстныя правила, которыя предписывали бы разные способы дѣятельности примѣнительно къ личностямъ разныхъ характеровъ, напримѣръ, къ людямъ тщеславнымъ и скромнымъ, хитрымъ и претосердечнымъ, злымъ и добрымъ, скрытнымъ и откровеннымъ, мужчинамъ и женщинамъ, юншамъ и старцамъ, холерикамъ и флег-

матикамъ, и проч? Но явно, что для точнаго выполненія такихъ правилъ требуется изученіе этихъ характеровъ, какъ явленій психическихъ; ибо, не изучивъ ихъ, мы часто противъ собственной воли становились бы во враждебныя отношенія къ людямъ и не только не сдѣлали бы никакой пользы ни себѣ ни другимъ, но еще могли бы повредить истинѣ или добру. Изучаются же всѣ подобныя явленія,—если исключить внѣшній, до могилы продолжающійся и нерѣдко болѣзненный опытъ,—единственно въ области психологіи. Кто хорошо знаетъ человѣческую душу и законы происходящихъ въ ней перемѣнъ; тотъ между личностями,—сколь бы ни различались они своими воззрѣніями, чувствованіями и желаніями,—умѣетъ поставить столько и такихъ практически посредствующихъ терминовъ, что нечувствительно сближаетъ ихъ и приводитъ къ согласнымъ заключеніямъ. Этимъ способомъ, при помощи психологическихъ познаній, получаютъ разумное значеніе и отчетливость всѣ отношенія человѣка къ человѣку, являющіяся подъ формами знакомства, расположенія, уваженія, дружбы и любви. Психологія вводитъ въ сознаніе и осмысливаетъ даже такъ называемыя инстинктивныя наши стремленія и, ограничивая ихъ закономъ свободы, сообщаетъ имъ достоинство явленій разумныхъ.

Взглянемъ на пользу психологіи и съ другой стороны. Извѣстно, что люди во всѣхъ частяхъ свѣта составляютъ особыя гражданскія общества, которыя въ свою очередь дѣлятся на сословія либо корпораціи, а эти опять группируются въ большіе или меньшіе кружки, и такая цѣль соціальной жизни человѣчества замыкается обыкновенно союзами семейными. Всѣ кольца этой живой цѣпи держатся конечно то религіозными, то юри-

дическими, то житейскими или утилитарными цѣлями, вызывающими извѣстные законы, уставы, правила, обычаи: но централизація ихъ не менѣе условливается и особенностями психическими; каждая человѣческая группа, начиная отъ самаго великаго государственнаго тѣла до самаго малаго семейства, проявляетъ частный свой типъ, собственную нравственную фпзіогномію, которая сложилась изъ тѣхъ или другихъ душевныхъ наклонностей, расположеній, страстей, привычекъ. И такъ, еслибы, имѣя это въ виду, какъ фактъ, мы встрѣтили вопросъ, — какимъ образомъ стать въ благопріятное отношеніе къ извѣстному обществу, или общественному кружку, и особенно, какимъ образомъ, для достиженія предполагаемой цѣли, дѣйствовать на него, двигать имъ, давать ему желаемое направленіе; то безъ сомнѣнія отвѣчали бы указаніемъ на способы не столько официальные или виѣшніе, сколько нравственные, отъ которыхъ получаютъ вліятельность и первые. Мы сказали бы, что надобно, подъ руководствомъ науки о душѣ, изучить свойственный той или другой народной корпораціи психическій строй и, слѣдуя законамъ человѣческой дѣятельности, которыя опять раскрываются въ наукѣ о душѣ, давать ей нужное направленіе понятными и правящимися ей мелодіями. Истина—одна, но въ сознаніи она обыкновенно является подъ какими нибудь формами. Эти формы суть частныя настроенія души, не зная которыхъ, мы не будемъ знать и тѣхъ способовъ, какими можно вести людей къ истинѣ, чтобы потомъ, озаривъ ихъ свѣтомъ истины, послѣдовательно улучшить, возвысить и облагородить самыя формы ихъ жизни.

Почитая это справедливымъ, мы думаемъ, что наука

О душѣ весьма полезна была бы дѣятелямъ, подвизающимся на поприщѣ управленія гражданскаго, если они хотятъ, чтобы внѣшнія ограниченія, которымъ подчиняются общество, благотворно дѣйствовали на внутреннія его расположенія, лежащія обыкновенно въ основаніи гражданскаго благоустройства; потому что можно ли управлять тѣломъ, не зная, какъ по естественнымъ законамъ своей природы должна жить и дѣйствовать душа, развивающаяся въ тѣлѣ! Внѣшнія явленія частной и общественной жизни суть выраженія души; опытъ опредѣлилъ нравственное ихъ достоинство извѣстными законами, и эти законы святы, если душа слышитъ въ нихъ отголосокъ существенныхъ своихъ требованій и находитъ, что къ состояніямъ ея они примѣняются точно и вѣрно. Поэтому знаніе души гражданскимъ дѣятелямъ необходимо и въ дѣлѣ ограниченія человѣческой жизни тѣми или другими законами. Они дѣйствуютъ на человѣка извнѣ; но цѣль ихъ дѣятельности должна быть не внѣшняя, а внутренняя: подъ вліяніемъ юридическихъ ограниченій ихъ, человѣку надобно сдѣлаться лучшимъ нравственно; потому что общество, въ высшемъ, благороднѣйшемъ своемъ значеніи, есть учрежденіе для духовныхъ интересовъ разумно-свободнаго существа. Но можно ли улучшать общество въ нравственномъ его состояніи и стремиться къ духовнымъ его интересамъ, не зная, что такое душа и каковы законныя ея требованія? Зная нормальную температуру крови, врачъ наблюдаетъ пульсъ и, опредѣливъ, здоровъ ли человѣкъ или боленъ, предписываетъ ему лечебныя или діететическія средства. Подобнымъ образомъ и гражданскій дѣятель, только чрезъ знаніе истинной природы души, можетъ оцѣнить духъ современнаго ему общества,

въ хорошемъ ли онъ состояніи или нѣтъ, и придумать вышнія мѣры къ надлежащему его настроенію.

Если же наука о душѣ такъ полезна и даже необходима для тѣхъ, которые призваны дѣйствовать на какое нибудь общество извнѣ; то тѣмъ необходимѣе она дѣятелямъ, поставленнымъ въ непосредственное отношеніе къ внутренней или нравственной его жизни,—разумѣемъ пастырей церкви и двигателей народнаго просвѣщенія, которыхъ прямое дѣло питать души и давать имъ сообразное съ ихъ природою направленіе. Очень понятно, что безошибочное опредѣленіе рода, свойствъ и мѣры пищи для души будетъ по силамъ только человѣка, болѣе или менѣе знающаго, въ чемъ именно, по своей природѣ и степени развитія, нуждается душа, чтобы въ противномъ случаѣ не предложить ей того, что она или не приметъ, или, принявъ, не переварить, или, переваривъ, ощутить въ себѣ дѣйствіе смертоноснаго яда. Но какъ узнать существенныя потребности души, не зная ни ея природы, ни условій правильнаго ея развитія? Можетъ быть скажутъ, что это—забота излишняго усердія, что люди, по роду своихъ занятій и должностей, стоящіе въ непосредственномъ отношеніи къ нравственной жизни общества, должны смотрѣть не на души той среды, въ которой дѣйствуютъ, а на свои офиціальныя и ученые средства. Правда, часто случается, что пастырь церкви, совершая свое поприще, довольствуется только правомъ священнодѣйствовать и учить, да каноническими способами и нѣкоторою суммою познаній въ разныхъ наукахъ; правда и то, что органъ народнаго просвѣщенія, дѣйствуя на своемъ пути, иногда нѣсколько не считаетъ себя обязаннымъ имѣть въ виду интересы нравственной жизни

своихъ слушателей, а только старается преподавать науку въ томъ духѣ, какой нравится ему самому; такъ какъ бы не онъ назначался для слушателей, а слушатели для него. Но за то таковы и плоды. Духовная почва, можетъ быть и засѣивается; но, не будучи воздѣлана, не разлагаетъ сѣмени и, какъ праздная, произращаетъ репейникъ. А наука въ молодыхъ умахъ производитъ смѣшеніе понятій, борьбу началъ, противорѣчіе взглядовъ, ослабленіе и потерю убѣжденій; результатомъ же такого Вавилонскаго столпотворенія обыкновенно бываетъ совершенное пренебреженіе нравственной жизни и разсѣяніе по пути жизни чувственной. Поэтому кто поставленъ непосредственно дѣйствовать на духовную сторону общественной жизни; тотъ конечно признаетъ первымъ своимъ долгомъ изучить природу человѣческаго духа, что бы все, что преподается человѣку, вполнѣ соотвѣтствовало существеннымъ его нуждамъ и, чрезъ то укоренившись въ душѣ, естественно и живо выражалось во внѣшней его дѣятельности: ибо какъ гражданскія мѣры общественнаго управленія, чрезъ ограниченіе внѣшней дѣятельности гражданъ, должны способствовать улучшенію внутренней ихъ жизни; такъ духовными мѣрами, чрезъ приличное питаніе душъ, должны быть предуготовляемы лучшія выраженія гражданской ихъ жизни. И на этомъ пути противоположнаго движенія двухъ водительство народа возможна только полная сочувствія и взаимнаго довѣрія встрѣча ихъ. И гармоническимъ отголоскомъ этой встрѣчи будетъ народная литература, которая, нейтрализуя противоположность тѣхъ направленій, является нераздѣльнымъ органомъ цѣлаго общества и показываетъ степень его силы, основанной на самопознаніи. Если же водительство граждан-

ское поставяетъ свою цѣль въ жизни не внутренней, а виѣшней, равно какъ духовное видитъ свою не во виѣшней, а внутренней; то интересы ихъ необходимо распадаются и производятъ двѣ отдѣльныхъ, негармонизирующихъ между собою литературы—духовную и свѣтскую, которыхъ самое раздѣленіе свидѣтельствуетъ объ относительной слабости нравственнаго ихъ характера и безсилія жизни общественной.

§ 8. Дѣленіе психологій.

И такъ, наука о душѣ должна представить основанія для согласнаго развитія всѣхъ видовъ дѣятельности человека, имѣющихъ посредственное или непосредственное отношеніе къ природѣ его души. Но чтобы найти эти основанія, показать ихъ твердость, самостоятельность и постоянное вліяніе на жизнь, ей надобно идти къ своей цѣли не съ конкретною массою фактовъ внутренняго опыта, сколько озаряются они сознаніемъ, а взять полный составъ ихъ, какъ одно цѣлое, и содержаніе его расположить такъ, чтобы факты жизни чувственной не смѣшивались съ чисто духовными, предшествующіе не выступали за послѣдующими, производные не поставлялись въ уровень съ коренными. Очевидно, что для этого психологія должна предварительно пересмотрѣть всѣ явленія, какими фактически обнаруживается жизнь души, и раскрывъ свойства каждаго изъ нихъ, по этимъ свойствамъ поставить ихъ подъ извѣстныя категоріи. Чрезъ такое распредѣленіе и раскрытіе отдѣльныхъ явленій души, все озаряемое въ ней сознаніемъ представится намъ въ порядкѣ, стройности и опредѣленномъ отношеніи,—мы увидимъ предъ собою какъ бы полный нравственный организмъ, въ которомъ

каждый органъ на своемъ мѣстѣ, все составлено, слажено, приведено въ надлежащую связь съ цѣлымъ и ожидаетъ только дѣйствія основной силы, чтобы это нравственное цѣлое пришло въ движеніе и выразилось всеми видами нравственной человѣческой жизни. Часть Психологіи, занимающуюся изслѣдованіемъ и распредѣленіемъ отдѣльныхъ явленій духовной нашей природы мы изложимъ подъ именемъ *Феноменологии души*. Потому, когда всѣ факты внутренняго опыта, какія только доступны ему при свѣтѣ сознанія, будутъ изслѣдованы и поставлены въ надлежащее между собою отношеніе, — сознаніе упадетъ опыту еще на одинъ такой фактъ, котораго бытіе, какъ непосредственно сознаваемое, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, однакожь для опыта само въ себѣ недоступно. Этотъ фактъ есть Я, или живое начало, обнаруживающееся дѣятельностію всѣхъ разсмотрѣнныхъ опытомъ силъ и условливающее собою единство ихъ, — этотъ фактъ есть душа. Сознаніе нудитъ опредѣлить ее, но опытъ не находитъ въ себѣ силъ непосредственно войти въ вышеопытныя условія ея существованія. Что же дѣлаетъ онъ? Слѣдуя обыкновенной своей методѣ, онъ принимаетъ за основаніе полный составъ явленій, какъ они сгармонированы имъ, и отъ этого нравственнаго организма, въ которомъ должна существенно выразиться душа, заключаетъ къ ея природѣ. Этимъ именно способомъ Психологія придетъ къ опредѣленію души и найдетъ въ ней источникъ жизни, столь разнообразно и съ такимъ постоянствомъ льющейся подъ формою всѣхъ духовныхъ и животныхъ ея дѣателей. Разматривая жизнь души во всѣхъ ея видахъ и замѣчая законы ея развитія въ каждомъ видѣ, наша наука раскроетъ вторую часть своего ученія, ко-

торую по всей справедливости надобно называть *Віологією души*. Но между тѣмъ какъ всѣ явленія въ области сознанія, проистекая такимъ образомъ изъ одного и того же начала и по извѣстнымъ законамъ жизни совершая свое развитіе, будутъ гармоническимъ своимъ соотношеніемъ представлять нормальное состояніе нравственной человѣческой природы, сознаніе укажетъ опыту множество и такихъ явленій, которыя, имѣя свой источникъ въ томъ же самомъ началѣ, повидимому слѣдуютъ однакожъ инымъ законамъ развитія и никакъ не примиряются съ обыкновеннымъ ходомъ душевной жизни человѣка. Эти уклоненія—то же въ душѣ, что aberrации въ движеніи солнечнаго луча, или что неправильности въ формахъ природы матеріальной. Они бываютъ не всегда; однакожъ, имѣя свое основаніе въ душѣ, должны въ ней же имѣть и причину своего проявленія, въ ней же и законы, по которымъ проявляются. Эти необыкновенныя состоянія души признаемъ ли мы ихъ состояніями ея разстройства, или ея существованія подъ какими нибудь высшими условіями,—во всякомъ случаѣ, относительно къ формамъ нормальной ея жизни, они будутъ болѣзненными; а потому ученіе Психологіи, рассматривающее происхожденіе и свойства этихъ состояній, можетъ быть названо *Патологією души*.

И такъ Психологія должна изложить: 1) Феноменологію души, 2) Віологію души и 3) Патологію души.

В. Карповъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки